

111/213)
П. Засодимский.

№ 51/VIII

ВЪ ЗЫРЯНСКОМЪ КРАЮ.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ).

139549000
649681

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и №, Пименовская улица, соб. домъ.

1901.

т Кр.

Дозволено цензурою. Москва, 17 ноября 1901 года.

Въ Зырянскомъ краю.

(Путевые очерки.)

I.

Вроѣзжая по желѣзной дорогѣ, можно видѣть вблизи изъ окна вагона лишь окрестности, быстро бѣгущія мимо, и немного медленнѣе мелькающія дали. Бдучи на почтовыхъ, видишь хорошо только однѣ окраины дороги; плывя на пароходѣ, любишь лишь на берега. Странствуя, наконецъ, пѣшкомъ, разглядишь всякую травку подъ ногой, каждый холмъ и бугорокъ, но цѣлой картины мѣстности не схватишь, и принесешь домой въ своей памяти или въ записной книжкѣ только рядъ отрывочныхъ воспоминаній и картинокъ. Для составленія же общей картины цѣлаго края всего удобнѣе путешествовать на воздушномъ шарѣ—не слишкомъ высоко надъ землею и съ хорошою подзорною трубою. Къ сожалѣнью, у насъ нѣтъ воздушнаго шара. Зато

вмѣсто него мы обладаемъ силою воображенія, всегда игравшаго великую роль и въ наукѣ и въ искусствѣ. Съ помощью-то ея мы и поднимемся надъ землею, и, именно, надъ Зырянскимъ краемъ. Для удобства поднимемся въ лѣтнюю пору, когда Зырянскій край стоитъ во всей своей красѣ, въ зелени и въ цвѣтахъ. Оборотившись лицомъ на полночь, посмотримъ внизъ хоть съ высоты, напри- мѣръ, соколиного полета...

Чудесная картина развернется передъ нами. Передъ нами встанетъ край, совсѣмъ глухой и дикій, громадное, зеленое пространство, почти все сплошь покрытое дремучими лѣсами. На сѣверѣ эти лѣса доходятъ до мшистыхъ болотъ архангельскихъ; далеко-далеко на востокѣ всползаютъ они на отроги Уральскихъ горъ, за ними уже темнѣетъ Сибирь; на югѣ зырянскіе лѣса примыкаютъ къ пермскимъ и вятскимъ, а на западѣ и на сѣверо-западѣ сливаются съ устюгскими и яренскими волоками *).

Среди этихъ лѣсовъ, въ чащѣ зелени ихъ, какъ синія ленты, льются рѣки, извиваясь змѣей по всѣмъ направленіямъ. Вотъ на востокѣ широкая, многоводная рѣка, протекающая съ юга на сѣверъ и уходящая въ Архангельскую губернію — рѣка Печора. Она несетъ свои воды въ сѣверный ледовитый океанъ. Къ западу отъ нея прихотливымъ узоромъ извивается Вычегда, уходящая на западъ для сліянія съ Сѣвальною Двиной. Съ юга, тоже затѣй-

*) Волокъ—большой дремучій лѣсъ.

ливо извиваясь, впадаетъ въ Вычегду рѣка Сысола. Западнѣе ея течетъ въ Вычегду же Визинга. На югѣ бѣшено льется Луза, словно изо всѣхъ силъ торопясь слиться съ рѣкою Югомъ. Теченіе ея до того быстро, что барка по ней уходитъ по 12 верстъ въ часъ... Далеко одно отъ другого блестятъ три озера: Синдорское, Кадомское и Гурдей... Вотъ и все, что мы можемъ видѣть издали. Теперь опустимся ниже и съ высоты, примѣрно, вороньяго полета внимательнѣе посмотримъ внизъ.

Мы увидимъ, что вся страна, развертывающаяся теперь передъ нами, рѣзко дѣлится на двѣ части: на восточную—по рѣкѣ Печорѣ, и западную—по рѣкамъ Вычегдѣ, Сысолѣ, Визингѣ, Лузѣ и по ихъ притокамъ. Вся восточная часть сплошь покрыта лѣсами. Вонъ, наприм., дремучимъ лѣсомъ, тянувшимся съ запада къ Печорѣ, вьется чуть наѣзженная дорога, и на этой дорогѣ, на протяженіи 150 верстъ, стоятъ лишь четыре зимовки—четыре жалкія истопочки, живое подобіе тѣхъ сказочныхъ избушекъ на курьихъ лапкахъ, въ какихъ живетъ злая Баба-Яга... Здѣсь царство могучихъ лѣсныхъ силъ. Даже и незамѣтно, чтобы человѣкъ пытался вступать въ борьбу съ этими силами, чтобы онъ приурочивалъ ихъ на служеніе—на пользу себѣ...

На западной сторонѣ—картина уже не та. Здѣсь лѣса уже кое-гдѣ разрываются, и человѣкъ съ большимъ запасомъ упорства и терпѣнія и съ топоромъ въ рукѣ вступаетъ мало-по-малу въ область лѣсовъ. Не безъ труда, съ помощью огня и желѣза, про-

лагаеть онъ себѣ путь въ сумракѣ столѣтнихъ деревьевъ, въ чащѣ нависшихъ и переплетшихся вѣтвей ихъ. Здѣсь животная жизнь уже плодится, множится и вступаетъ въ борьбу съ міромъ растительнымъ. По берегамъ рѣкъ и около большихъ проѣзжихъ дорогъ видны селенія, поля, луга. Въ сторонѣ же отъ рѣкъ и дорогъ селенія очень рѣдки... Если мы посмотримъ на Зырянскій край въ вечернюю пору, то по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ увидимъ тамъ и сямъ на фонѣ зелени красиво мерцающіе красные огоньки: то рабочій людъ, рыболовы, странники или перевозчики варятъ себѣ на ужинъ кашу или уху. Тутъ же, у этихъ огоньковъ, въ тѣни лѣсной, иногда пріютъ находятъ и бѣглый, пробирающійся изъ Сибири на родную сторонку... И посреди лѣса кое-гдѣ мы увидимъ дымъ и мелькающій въ сѣромъ дыму огонь. Дымъ то поднимается высоко, какъ бѣлесоватымъ туманомъ окутывая лѣсныя вершины, и тянется по вѣтру далѣе, то низко стелется онъ надъ землей. Это, значитъ, горитъ лѣсъ или крестьяне жгутъ подсѣки *).

Селенія вообще рѣдки, но зато они очень людны и раскинулись широко. Особенно много большихъ селеній стоитъ при рѣкахъ, а на берегу рѣки Вычегды, неподалеку отъ сел. Устькулома, среди лѣ-

*) Вырубить лѣсъ, вырубленный лѣсъ оставить лежать, затѣмъ года черезъ 2 или ранѣе выжечь его и такимъ образомъ удобренное пространство засѣять хлѣбомъ—значитъ дѣлать *подсѣку*. Среди лѣса является поле, съ торчащими на немъ тамъ и сямъ обугленными пеньками. Тутъ же, у подсѣки, строится амбарушка,—словомъ, заводится маленькое хозяйство.

совъ, утопающихъ въ синеватой мглѣ, бѣлѣть монастырь Стефано-Ульяновскій, единственный монастырь зырянскій. Онъ виденъ очень издалека...

Такъ, присмотрѣвшись, мы замѣчаемъ, что восточная часть Зырянскаго края сплошь лѣсиста; западная же можетъ назваться стороною населенной. Затѣмъ мы видимъ, что жизнь сосредоточивается вблизи большихъ дорогъ и по рѣкамъ. По рѣкамъ сообщеніе дешево и удобно: по нимъ весною и лѣтомъ плывутъ всякія барки и лодки; поэтому-то по берегамъ рѣкъ такъ охотно и селятся люди... Но отовсюду, съ востока и запада, со всѣхъ четырехъ сторонъ лѣса такъ и заливаютъ, затопляютъ своею зеленою силою, своею глушью непроходимую всѣ эти села и деревушки. На этомъ громадномъ лѣсномъ просторѣ, въ этихъ селахъ и деревушкахъ ютится до 70 тысячъ народа. Жители этого лѣсного угла сами себя называютъ народомъ «Коми», или «Коміасъ»; русскіе зовутъ ихъ зырянами. Въ сѣверо-западной части Зырянскаго края, при впаденіи рѣки Сысолы въ Вычегду, намъ бросается въ глаза небольшой городокъ, совсѣмъ затерявшійся въ тѣни лѣсовъ. Это Сыветлы-Каръ— столица Зырянскаго края; попросту же сказать— уѣздный городъ Устьсыольскъ... Теперь мы уже совсѣмъ спустимся на землю и займемся дѣлами земными.

Лишь только спустимся мы на землю, какъ тотчасъ же замѣчаемъ, что мы очутились въ землѣ не русской, что тутъ уже не Русью пахнетъ. Вокругъ насъ слышится не русскій говоръ: жители тамошніе

съ трудомъ понимаютъ насъ, а мы ихъ не разумѣемъ и вовсе. Вонъ маленькій темноволосый мальчуганъ со смуглымъ, выразительнымъ личикомъ бормочетъ, сидя подъ окномъ: «Мамо, мамо! Вай-нянь!» *) За околицей одна баба громко что-то кричитъ другой, но разобрать ничего невозможно... Вонъ дѣвочка съ распущенными волосами несется верхомъ, сидя по-мужски на лошади... Не русскія лица, не русская одежда. Въ полевыхъ работахъ также видна разница: мужикъ, напр., косить, согнувшись въ три погибели, косою съ короткой рукояткой—въ родѣ большого серпа. Здѣсь встрѣчаются съ деревянными осями плетеныя телѣги наподобіе большихъ корзинъ. И физіономія домашнихъ животныхъ измѣняется. Лошади здѣсь малорослы, неказисты на видъ, съ отрепанными хвостами, съ густой, косматой гривой, но лошадки онѣ добрыя, сильныя, выносливыя. Коровы и овцы — безрогія. У собакъ морды тонкія, удлиненныя. Куръ почти не видать... Самый воздухъ здѣсь уже не тотъ, что на Руси. Здѣсь лѣтомъ, по крайней мѣрѣ, въ воздухѣ постоянно припахиваетъ дымомъ, жженымъ вересомъ, елью или сосной...

Это значить—мы въ Зырянскомъ краю.

II.

Въ Зырянскомъ краю жителей считается до 70.000. Все это лѣсное населеніе — зыряне, за

*) „Дай хлѣба!“

исключеніемъ малаго числа чиновниковъ. Зыряне принадлежатъ къ тѣмъ племенамъ, которыя въ древности славяне окрестили общимъ именемъ *Чудь*. У чуди не было исторіи, не было своей литературы,—по крайней мѣрѣ, она намъ неизвѣстна. Поэтому немудрено, что позабыли о происхожденіи зырянъ, какъ и сами зыряне забыли о немъ. Въ XI и XII столѣтіяхъ лѣтописи начинаютъ упоминать о «Двинскомъ народѣ», въ средѣ котораго уже числятся и зыряне...

Въ древности зыряне, живя въ лѣсахъ и находясь отъ нихъ въ полной зависимости, поневолѣ должны были благоговѣть и трепетать передъ этими темными, дремучими лѣсами. Лѣсъ давалъ имъ защиту отъ врага, доставлялъ имъ пищу, одежду и кровь... И зыряне любили его, преклонялись передъ нимъ, какъ передъ божествомъ. Птицей лѣсной они питались, изъ шкуръ звѣриныхъ дѣлали себѣ одежду. Избытокъ птицы и звѣриныхъ шкуръ они промѣнивали на хлѣбъ и на все, для нихъ необходимое; изъ деревьевъ строили себѣ хатки; лѣсными травами и цвѣтами пользовались, какъ лѣкарствомъ... Но въ темной глубинѣ тѣхъ же благодѣтельныхъ лѣсовъ жили и страшныя чудовища, пожиравшія людей. Нерѣдко случалось, что зырянинъ, ушедшій на охоту, не возвращался уже болѣе домой. Иногда потомъ трупъ его находили въ какой-нибудь трупобѣ страшно обезображеннымъ, полусъѣденнымъ. А то иногда человѣкъ и совсѣмъ пропадалъ безслѣдно. Дѣйствительно существовавшихъ звѣ-

рей—волковъ и медвѣдей—напуганное воображеніе еще пуще разукрашивало; мало того, воображеніе населяло лѣсную чащу еще болѣе ужасными чудовищами, какихъ и свѣтъ не производилъ. Понятно, что лѣсъ долженъ былъ наводить страхъ на душу зырянина. Живя въ лѣсу, живя этимъ самымъ лѣсомъ и нерѣдко погибая въ невѣдомой глубинѣ его, зыряне невольно пришли къ той мысли, что должно молиться этой могучей растительной силѣ, должно умиловать ея. Поэтому зыряне поклонялись березѣ, соснѣ, ели, вѣроятно, и кедру, какъ божеству.

Есть преданіе, что престолъ первой церкви, построенный у зырянъ, церкви Архангельской, утвержденъ на пнѣ «необыкновенно великой березы, коей идолопоклонники-зыряне якобы поклонялись и на коей въ жертву вѣшивали они соболя, куньи, горностайные и прочіе звѣриныя мѣха». По другому же сказанію, «дерево сіе была огромная ель, что и вѣроятнѣе, ибо зыряне предковъ своихъ и нынѣ называютъ ельниками...» Самый большой доход издавна зыряне получаютъ отъ охоты на бѣлокъ; бѣлки же питаются еловыми шишками; и чѣмъ лучше урожай шишекъ, тѣмъ болѣе плодятся бѣлки. Вотъ почему зыряне должны были поклоняться ели. При сломкѣ деревянной Архангельской церкви дѣйствительно найденъ былъ подъ престоломъ «большой утлый, уже погнившій пень дерева, который зыряне, изъ почтенія къ древности, весь разобрали себѣ по частицамъ въ дома свои...» У

зырянъ также были свои идолы и кумирницы — небольшие храмы самой грубой, незатѣйливой постройки. Кумирницы строились на поляхъ и въ лѣсахъ. Идолы у зырянъ были деревянные, и народъ чествовалъ ихъ по-своему. На самые идолы или около нихъ зыряне вѣшали шкуры соболей, куницъ, горностаевъ, лисицъ, бобровъ, медвѣдей, рысей и другихъ звѣрей. Иногда они покрывали кумиры также цвѣтными матеріями, обвивали ихъ лентами... «И никто же отъ тѣхъ приносимыхъ идоломъ даровъ дерзаше, что взяти»,—говоритъ лѣтописецъ.

Христіанство занесено къ зырянамъ уже во второй половинѣ XIV столѣтія. Стефанъ-Храпъ, родомъ изъ г. Великаго Устюга, явился сюда проповѣдникомъ Евангелія и былъ здѣсь первымъ епископомъ. Первую церковь построилъ онъ здѣсь при сляніи р. Выми съ Вычегдой (гдѣ нынѣ селеніе Устьвымъ). Затѣмъ тутъ выстроились еще три церкви. Въ одной изъ нихъ, уже давно разрушившейся, находились, по словамъ лѣтописи, необыкновенно *красивыя* царскія врата «китайской работы, наборныя изъ фольги, подъ слюдвеннымъ прозрачнымъ стекломъ, съ накладными оловянными цвѣтами и съ фигурными иконами». Всѣ четыре церкви съ колокольнями были воздвигнуты на двухъ высокыхъ холмахъ и видны издалека, верстъ за 10, за 15. Одинъ изъ холмовъ окопанъ былъ валомъ и вооруженъ башнями и бойницами... На Зырянскій край въ старину довольно часто нападали во-

гуличи, в послѣдствіи перешедшіе далѣе на востокъ. Теперь во всѣхъ этихъ церквахъ ничего стариннаго не уцѣлѣло отъ бывшихъ не однажды пожаровъ. Особенно былъ силенъ пожаръ 1740 г., когда даже въ церковныхъ погребяхъ все было истреблено пламенемъ.

Не легко и не вдругъ зыряне-идолопоклонники обратились въ христіанство. Волхвы возбуждали зырянъ противъ христіанскихъ проповѣдниковъ. Такъ, напр., одинъ изъ проповѣдниковъ, Кукша, монахъ Печерскаго монастыря, былъ замученъ язычниками; такъ же погибъ и ученикъ его... Стефану Храпу приходилось принимать крутыя мѣры. Повѣшенныя на идолахъ всякія жертвы идольскія: мѣха, матеріи и проч., онъ приказывалъ сжигать... «Самого же кумира, говорится въ лѣтописи, прежде въ лобъ обухомъ ударяше, потомъ изсѣкаше на мелкія полѣнца, и вкупе вся сожигаше; себѣ же не взымаше отъ тѣхъ ничесоже (т.-е. ничего) и никому отъ вѣрныхъ не повеле взять: ни златое, ни серебряное, ни мѣдь или желѣзо, или олово—или иное что»... Зырянскія преданія рассказываютъ и о чудесахъ. Такъ, когда рубили одну «прокудливую березу», особенно чтимую зырянами, тогда слышались стоны, а на небѣ сгустились тучи; гремѣлъ громъ и блистали молніи... Но чего не могли сдѣлать угрозы и строгость, то сдѣлала ласка. Св. Стефанъ испрашивалъ для зырянъ въ голодные годы хлѣба и помощи у богатыхъ людей, просилъ у князя о сложеніи съ

нихъ дани и т. д. И зыряне не позабыли за то своего Стефана...

Нѣкоторые языческіе обычаи сохранились у зырянъ и до сего дня. Здѣсь, напр., во многихъ мѣстахъ есть часовни, въ которыхъ служатся молебны св. Власію и Модесту (по-зырянски «Медось»). Въ праздничные дни въ жертву этимъ святымъ, какъ покровителямъ скота, крестьяне приносятъ телячьи грудинки, телячьи ноги, головы, а иногда и цѣлыхъ телятъ. Все это, конечно, идетъ въ пользу священника и причта. Въ селѣ Устькуломѣ при сломкѣ старой деревянной церкви нашли подъ поломъ цѣлыя груды костей... Не мало также зашло къ зырянамъ и старинныхъ славянскихъ обычаевъ. Такъ, здѣсь въ иныхъ мѣстахъ наканунѣ Иванова дня, 23 іюня, топятъ бани и парятся въ нихъ вѣниками, связанными изъ травы «купальницы». Въ другихъ же мѣстахъ въ этотъ день просто купаются въ рѣкѣ, хлещутъ себя березовыми вѣниками, а затѣмъ бросаютъ ихъ въ воду и, глядя на нихъ, загадываютъ о будущемъ. Зыряне также вѣрятъ, что если въ Ильинъ день случится громъ, то это значитъ — пророкъ Илья ѣздитъ по облакамъ въ своей огненной колесницѣ на вороныхъ коняхъ. Зыряне вѣрятъ и въ домовыхъ, и въ лѣсныхъ духовъ, и въ водяныхъ, и въ банныхъ... Если человекъ умретъ, парясь въ жарко натопленной банѣ, значитъ—его *банный* задушилъ. Если человекъ въ лѣсу заблудился, значитъ — его *лѣсной* кружилъ.

— Да, вѣдь, вы домовыхъ никогда не видали?— замѣтилъ я одному зырянину.

— Видать-то не видали, зато слыхали!— отвѣчалъ онъ мнѣ самымъ невозмутимымъ тономъ.

— Какъ это «слыхали?» Да гдѣ же живутъ они?—продолжалъ я.

— Да въ *голбцъ*... Иной разъ ночью такую возню поднимають, страсти! О-о-о! Ихъ въ голбцѣ у насъ — содомъ!

И при этихъ словахъ рассказчикъ нѣсколько понизилъ голосъ и указалъ пальцемъ на голбець*).

Зыряне вѣрятъ также въ колдовство, въ злыя и добрыя чары... Я слышалъ, напр., такого рода рассказъ... Одна женщина въ голодный годъ продала двумъ мужикамъ ржи на посѣвъ. У тѣхъ рожь со всѣмъ не выросла, а у нея вышла отличная. Она, значить, заколдовала рожь. Она же дала ржи и своей сестрѣ, но у той хлѣбъ взошелъ, потому что она знала, какимъ манеромъ надо высыпать рожь. Сестра-колдунья сообщила ей секретъ. Дѣло въ томъ, что она высыпала рожь не изъ верхняго от-верстія мѣшка, а черезъ низъ, предварительно, конечно, распоровъ его. Когда колдунья призналась на исповѣди въ своемъ дѣяніи, священникъ сказалъ ей, что она сотворила великій грѣхъ, «отняла силу у земли». Вскорѣ послѣ исповѣди баба стала заговариваться и сошла съ ума, какъ говорятъ, со страха...

*) Голбець—подполье, идущее подо всей избой.

Впрочемъ, всѣ эти вѣрованія не нагоняютъ страховъ на зырянскую душу. Зырянинъ смѣлъ, отваженъ, не боится ни лѣшихъ, ни медвѣдя. Безстрашно углубляется онъ въ темъ своихъ заповѣдныхъ лѣсовъ съ самодѣльнымъ ружьемъ на плечѣ, съ топоромъ за поясомъ, въ сопровожденіи своей малорослой, косматой собаченки.

III.

Зыряне замкнулись наглухо въ своемъ лѣсномъ углу, обособились и потому-то сохранили свой языкъ, вѣрованія, нравы и обычаи. Сохранить свой народный характеръ немало помогло имъ и то, что жили они въ чащѣ непроходимыхъ лѣсовъ, на далекомъ сѣверо-востокѣ русской земли. Непроѣзжіе лѣса, топкія болота, широкія рѣки отдѣляли ихъ отъ міра русскаго. На востокѣ же между ними и азіатскими народами протекала широкая и глубокая рѣка и поднимались высокія горы, покрытыя лѣсами. Сама природа постаралась отдѣлить зырянъ отъ всего остального живого міра... Благодаря этому, зыряне хорошо сохранились на зло вѣкамъ. Отъ зырянъ, отъ образа жизни ихъ до того вѣтъ свѣжестью и юностью первобытнаго народа, что если бы какой-нибудь славянинъ временъ Ольги или Игоря Святославича ожилъ теперь и очутился въ средѣ зырянъ, то онъ подумалъ бы, что спалъ не столѣтія, а лишь нѣсколько часовъ...

Зыряне, какъ уже сказано, литературы своей не оставили; ихъ древняя поэзія, такъ же, какъ и

исторія, неизвѣстна. Ихъ поэзія, вѣроятно, была мрачна, величава и сурова, какъ суровъ самый ихъ край, какъ мрачны ихъ лохматые ели, какъ величавъ ихъ сосновый боръ. Ихъ нравы, обычаи, ихъ праздники, вѣрованія, сказки и бывальщины, ихъ жилища, одежда—вотъ живые отрывки ихъ исторіи, ихъ прошлаго.

До сихъ поръ еще зыряне говорятъ на своемъ собственномъ, особомъ языкѣ. Женщины даже все не говорятъ по-русски. Дѣти до 16 лѣтъ также по-русски не разумѣютъ. Съ 16 лѣтъ мальчики поневолѣ начинаютъ объясняться на русскомъ языкѣ, такъ какъ имъ приходится вести дѣло съ купцами, съ проѣзжающими и съ чиновниками; женщины же крѣпко держатся здѣсь за свой родной языкъ и пальцемъ не пошевелятъ для того, чтобы научить дѣтей русскому языку.

Жилище зырянина, вообще, не слишкомъ отличается отъ жилья нашего сѣвернаго крестьянина. Изба зажиточнаго зырянина просторна, печь у нея съ трубой, а вдоль стѣны непременно красуется пестро-ярко раскрашенный *залавокъ*—подобіе шкафа для посуды и для всякой всячины. Любимые цвѣта при окраскѣ мебели—столовъ, шкафовъ и залавокъ—красный, зеленый и, отчасти, желтый. При такомъ нарядномъ домѣ почти всегда есть горница—по-зырянски «*кумъ*», нѣчто въ родѣ гостиной или залы для приѣма посѣтителей въ праздники. У бѣдняковъ—избы меньше, тѣснѣе, грязнѣе, безъ «*кума*» и даже безъ *залавка*. Избы—нерѣдко

курныя. Печь у такихъ избъ безъ трубы, и дымъ идетъ изъ устья прямо въ избу, а затѣмъ уже уходитъ въ растворенную настежь дверь и ползетъ въ отверстіе надъ дверью, которое, въ случаѣ надобности, задвигается изъ избы доскою. Дѣлаютъ также въ сѣнцахъ деревянную трубу, а на крышѣ надъ трубой ставятъ деревянную башенку съ разными рѣзными украшеніями — «дымникъ». Во время топки изба наполняется дымомъ. Дымъ ѣстъ глаза до красноты, до слезъ и нестерпимо захватываетъ дыханіе. Въ эту пору можно сидѣть только на лавкѣ, сгорбившись; но внизу зато зимой въ это время страшно холодно: вѣтеръ ходитъ по ногамъ, врываясь съ улицы въ отворенную дверь. Когда печь истопится и поостынетъ, тогда семья перебирается на полати. На полатяхъ прядутъ, шьютъ, закусываютъ и гостей принимаютъ — словомъ, на полатяхъ проводится весь день и весь вечеръ. Поэтому полати нарочно дѣлаютъ большія, просторныя — наполь-избы, и не слишкомъ высоко, не подъ самымъ потолкомъ. Въ стѣнѣ, вверху прорубается одно или два оконца, чтобы свѣтлѣе было на полатяхъ. Спать также на полатяхъ и на печи.

Въ одеждѣ зырянъ замѣтна большая разница. Зимой зырянинъ ходитъ или въ «*малуцъ*», или въ «*совикъ*». Та и другая одежда шьется изъ оленьей шкуры. *Малуца* короче *совика*, и шерсть на ней обращена внутрь; на *совикъ* шерсть наружу, и къ *совику* пришиваются шапка и рукавицы. Шапка изъ пыжиковъ закрываетъ уши и лобъ. Обувь: ко-

ты — сапоги изъ телячьей кожи, шерстью наружу; *чарки* — башмаки съ длинными шнурками, которыми они прикрѣпляются къ ногѣ. *Пимы* — сапоги и штаны вмѣстѣ изъ оленьей кожи, шерстью наружу... Рубаха холщевая, съ длиннымъ воротомъ. Зимняя одежда женщинъ мало отличается отъ мужской. Лѣтомъ, весной и осенью зыряне накидываютъ на себя *сукманину*, сѣрый длиннополый халатъ. Лѣтомъ мужикамъ и бабамъ обувью служатъ — «*моршни*», кожаные башмаки съ оборками. На головѣ — сѣрая войлочная шляпа, круглая, съ широкими полями, обшитыми черною каймой. Эту шляпу зыряне, обыкновенно, сдвигаютъ на затылокъ и тѣмъ придаютъ своей фizioноміи очень характерный оттѣнокъ. Мужчины носятъ еще особенный уборъ подъ названіемъ «*лазъ*», или «*лузанъ*». Онъ шьется изъ сѣраго сукна, въ родѣ тонкаго, плотнаго войлока, и походитъ на нагрудникъ, заходящій за плеча и спадающій по спинѣ четырехугольнымъ мѣшкомъ. Уходя надолго изъ дома, зырянинъ въ этомъ мѣшкѣ — *лузанъ*, носить хлѣбъ и всякій инструментъ. Въ широкомъ кожаномъ ремнѣ, охватывающемъ его по поясу, затыкаются ножъ или топоръ. Топоръ носятъ также и въ *лузанѣ*... Въ лѣтнее время зыряне и зырянки носятъ еще головной уборъ изъ холстины — «*накомарникъ*», напоминающій собой воинскіе шлемы самыхъ древнихъ временъ. Этотъ уборъ плотно охватываетъ голову, закрываетъ часть лица — лобъ, щеки, подбородокъ — и падаетъ на плеча. Онъ защищаетъ отъ

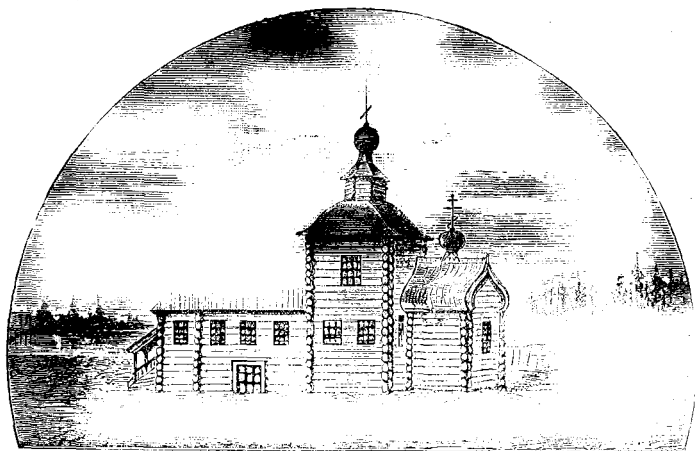
комаровъ, которыхъ въ этомъ лѣсномъ краю очень много, особенно въ мѣстностяхъ болотистыхъ... Женщины ходятъ въ сарафанахъ; желтый сарафанъ считается самымъ наряднымъ. Нерѣдко также бабъ и дѣвушекъ можно встрѣтить въ однѣхъ рубахахъ, подпоясанныхъ по талии. Городской женской одежды зырянки терпѣть не могутъ; ни одна изъ нихъ не рѣшится въ праздникъ показаться людямъ въ городскомъ платьѣ — засмѣютъ...

Пища зырянская незатѣйлива: щи изъ ячной муки или крупы и изъ соленой капусты, въ скоромные дни — кислое молоко, въ постные дни — *сайда*. Рыба *сайда* — очень любезное для зырянъ кушанье. Въ постные дни ѣдятъ также съ квасомъ лукъ, капусту или толокно. Изъ печеній въ ходу: *колобки*, *шаньчи* изъ ячной муки съ крупой или съ творогомъ и жирные блинны — *сочни*. Въмѣсто пирожнаго въ праздникъ или на свадебномъ обѣдѣ подаютъ «*лясъ*». *Лясъ* готовится такимъ mannerомъ: ягоды черемухи или черники сушатся въ печи, затѣмъ толкутся, и изъ этой крупы варится нѣчто въ родѣ киселя. Ыдятъ лясъ, помакивая въ чашку корочку хлѣба или же, попросту, пальцемъ. Къ праздникамъ варится пиво — свѣтлое, жидкое, горьковатое на вкусъ... Всѣ эти печенья и варенья намъ показались бы, конечно, невкусны, но зыряне чувствуютъ себя довольными и счастливыми, когда у нихъ есть эти кушанья. Зыряне бѣдны. У нихъ иногда даже хлѣба не бываетъ, иногда же въ хлѣбъ приходится примѣшивать отруби, кору дре-

весную. Изъ пихтовой коры даже пекутъ лепешки. Вмѣсто хлѣба иной разъ ѣдятъ молодые отростки ели...

На всемъ, рѣшительно на всемъ въ зырянскомъ краю лежитъ свой, особенный—зырянскій отпечатокъ. Обособленностью зырянъ можно также объяснить и то, что они, какъ мы говорили, тщательно сохраняютъ остатки старины. Едва ли гдѣ-нибудь въ другомъ уголкѣ деревенской Россіи можно найти такія, напр., первобытныя деревянныя церкви, какія встрѣчаются въ зырянскомъ краю. Въ образѣ этихъ церквей на васъ глядитъ сама сѣдая старина своими мутными, темными очами. Глядя на нихъ, живо представляешь себѣ самыя древніе, первые храмы, какіе были воздвигнуты на землѣ языческой Руси.

Такъ, въ селѣ Деревянскомъ есть двѣ церкви съ колокольнею, стоящею немного въ сторонѣ. Обѣ церкви и колокольня—деревянныя. Стѣны у нихъ почернѣлыя отъ времени, бревенчатыя, совершенно такія же, какъ у обыкновенныхъ избъ. Крыльца съ навѣсами, окна небольшія, почти квадратныя, и тѣ и другія — такія же, какъ въ избахъ, только окна съ рѣшѣтками; крыши тесовыя; съ рѣзными украшеніями самой грубой работы; куполь и крестъ также деревянные. Вообще, за исключеніемъ желѣзныхъ рѣшѣтокъ въ окнахъ, никакого другаго матеріала, кромѣ дерева, не употреблено при постройкѣ этихъ церквей. На каждой церкви по два купола: одинъ большой—надъ сред-

ней частью храма; другой поменьше — надъ алтаремъ. Малый куполь весь сверху донизу покрытъ посѣрѣвшими деревянными пластинками наподобіе древесныхъ листьевъ, обращенныхъ остріями внизъ и приноровленныхъ такъ, что листь листомъ прикрывается... Эта отдѣлка довольно искусна и оригинальна. Посѣрѣвшіе листья на куполь, простыя, грубыя, но характерныя украшенія крыши, почернѣлыя срубы — все это дышитъ стариной. Внутренность церквей совершенно соотвѣтствуетъ ихъ наружности. Придѣлы отъ церкви отдѣляются рѣшеткой; рѣшетка снаружи запирается замкомъ. Въ придѣлахъ, вдоль стѣнъ — деревянные лавки. Въ зимней церкви, налѣво отъ входа, въ углу большая закоптѣлая печь, сильно истрескавшаяся. Колокола на колокольнѣ небольшіе. Надпись на лѣтней церкви гласитъ, что она построена въ 1784 г. Церкви стоятъ на высококомъ берегу рѣки Вычегды,

а за Вычегдой во всё стороны бесконечно синѣютъ лѣса. Видъ съ погоста прелестный!

Или вотъ и другой примѣръ почтенія къ старинѣ. Въ церкви села Керчемья есть икона Николая Чудотворца. Икона — большая, древняя; доска уже покоробилась и дала щель; письмо стерлось. Икона почернѣла до того, что представляется просто темною доской. Только съ большими усилиями можно разобрать по краямъ ея какіе-то неясные узоры—вѣроятно, украшенія, относившіяся или къ ризѣ Чудотворца, или къ ободку самого образа. Керчемцы особенно чтятъ этотъ образъ, или, вѣрнѣе сказать, ту почернѣлую доску, на которой нѣкогда былъ написанъ образъ. Каждый праздникъ керчемцы ставятъ передъ этой древней иконою множество свѣчей, между тѣмъ, какъ передъ другими иконами мигаетъ развѣ по свѣчкѣ, а то и того нѣтъ...

У зырянъ есть и свой собственный, особенно чтимый святой, свой заступникъ на небѣ: Стефанъ Пермскій. При жизни онъ защищалъ зырянъ: избавлялъ ихъ отъ тяжкихъ налоговъ, отъ уплаты дани въ голодные годы, заступался за нихъ, добывалъ имъ хлѣба въ черные дни... И зыряне его любятъ. Всего чаще строятся здѣсь храмы во имя его... Во имя его есть и монастырь.

Когда-то давно, давно,—гласитъ преданіе,—одна молодая дѣвушка, по имени Іуліянія, утонула въ Вычегдѣ и была выброшена волнами на берегъ. Та мѣстность, гдѣ найденъ былъ ея трупъ, послѣ

того получила названіе Ульяновки. На томъ самомъ мѣстѣ, въ XIV вѣкѣ, Святитель Стефанъ основалъ на берегу Вычегды Спасскую-Ульяновскую Пустынь. Въ старой деревянной церкви, имѣвшей длины 7, а ширины 4 сажени, былъ престолъ во имя св. мученицы Іуліяніи... Въ 1671 г. царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ бѣдной пустынькѣ 215 десятинъ земли съ лѣсами и угодьями по берегамъ Вычегды. Потомъ пустынька упразднилась, и въ ней остались только священникъ да два причетника. Наконецъ, въ 1860 г. на мѣстѣ пустыни былъ основанъ монастырь. Старцы, собравшіеся сюда, вызвали для устройства монастыря монаховъ изъ Соловковъ. Лѣтомъ 1866 г. отсюда прибылъ въ монастырь іеромонахъ Матѣй съ братіей — теперешній настоятель. Отецъ Матѣй, — монахъ отважный, энергичный, — въ 1854 г. участвовалъ въ защитѣ отъ непріятеля-англичанъ Соловецкаго монастыря и отличился геройскою храбростью въ извѣстную англо-французскую войну, которую Россія вела съ Англіей, Франціей, Турціей и Сардиніей. Вотъ, что нашли въ старой церкви монахи, по ихъ собственнымъ словамъ: «одну мѣстную свѣчу, обезображенную пылью и копотью, одно ветхое мѣдное кадило съ порванными цѣпочками, связанными веревочкой, грубой работы стулъ; книгъ церковныхъ мало, да и тѣ весьма ветхи; изъ церковныхъ облаченій нѣкоторыя, напр., стихари — ситцевые и крашенинные. Ладану не было; прозводился только видъ кажденія — одними горячими

угольями. Въ казнѣ было менѣе 10 рублей...» Въ послѣднія 10 лѣтъ монастырь выросъ быстро, словно изъ земли. Воздвигся большой каменный соборъ, появились каменные зданія, каменная стѣна съ башнями по угламъ, завелись въ монастырѣ всякія мастерства и ремесла, выстроилась мельница... Зыряне гордятся монастыремъ. Это — *ихъ* монастырь, въ память *ихъ* святого. Монастырь находится отъ Вологды въ 1045 вер. и стоитъ посреди лѣсовъ, на возвышенности. Его соборъ, еще очень издалека видимый въ ясную погоду, ярко, рѣзко выдѣляется своими бѣлыми стѣнами на темно-зеленомъ фонѣ сосновыхъ и еловыхъ лѣсовъ, громадящихся кругомъ его по отлогостямъ...

Во всѣхъ отношеніяхъ зыряне остаются вѣрны самимъ себѣ. Въ каждой житейской мелочи, точно такъ же, какъ и въ крупномъ дѣлѣ, у нихъ непремѣнно выдается что-нибудь свое, особенное, зырянское, самобытное. Со всѣхъ сторонъ, откуда ни погляди на нихъ, они являются отщепенцами, стоятъ особнякомъ...

IV.

Зырянская отчужденность и замкнутость работали цѣлыя столѣтія и работали не даромъ. На фізіономію и на характеръ народа онѣ наложили свою печать, какъ и, вообще, на весь зырянскій міръ.

Зыряне — не высокаго роста, но мускулисты, крѣпки, коренасты. Волосы у нихъ большею частью темно-русые или черные. Зырянки — красивы: во-

лосы темно-русые, блестящіе глаза и на щекахъ румянецъ. Лица и у мужчинъ и у женщинъ очень выразительныя. О характерѣ же зырянъ можно сказать не мало хорошаго. Они предприимчивы, отважны, ловки и смѣтливы. Они уже издавна были поставлены такъ, что должны были выработать въ себѣ эти почтенныя качества. Въ лѣсу, въ охотѣ на птицъ и звѣрей—все ихъ богатство. На этомъ-то поприщѣ съ малолѣтства изоощряютъ они въ себѣ отвагу и смѣтливость... Въ одиночку, съ ножомъ и рогатиной, ходятъ они на медвѣдя и борются съ чудовищемъ. Бѣлокъ они бьютъ удивительно мѣтко; впрочемъ, объ этомъ поговорю послѣ... Зыряне волей-неволей развили въ себѣ предприимчивость. Нужда—мать изобрѣтеній. Зыряне изобрѣтательны... При всемъ томъ зыряне необыкновенно добродушны и честны. Еще въ недавнее время у нихъ вовсе не было замковъ: припирали дверь деревяннымъ колышкомъ. Но убійства, грабежи и воровства и теперь здѣсь случаются рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Зыряне сострадательны. Говорятъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, черезъ которыя, обыкновенно, пробираются на родину бѣглецы изъ Сибири, — жители выставляютъ на окна и на завалинки около избъ куски хлѣба и кринки молока. И всѣмъ этимъ пользуются несчастные бѣглецы, пробирающіеся украдкой на родимую сторону...

Зыряне бѣдны, но бѣдны они не по своей винѣ и не по лѣности. Они очень трудолюбивы... Хлѣба,

напр., у нихъ родится мало потому, что климать здѣсь очень суровъ, и неблагоприятна почва. Лѣтомъ здѣсь можно считать лишь дней 30 въ году, когда земля не замерзаетъ (въ 1877 г. земля замерзала 9 июня). Полевая работа, значить, могутъ итти недолго: мѣсяца 2—3, не болѣе. Хлѣбъ родится порядочно лишь въ южныхъ частяхъ края. Къ тому же, и земли, удобной крестьянамъ, отведено здѣсь мало. Хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ зыряне прожить не могутъ. Какъ подспорье, для нихъ необходимы промыслы. Изъ промысловъ у зырянъ въ ходу: лѣсной, рыболовный и охотничій. Фабрикъ нѣтъ; заводовъ желѣзодѣлательныхъ три.

Лѣсной промыселъ состоитъ въ томъ, что крестьяне по найму у купцовъ рубятъ лѣсъ, строятъ изъ него плоты и барки и весной, въ половодье, сплавливаютъ ихъ по рѣкамъ въ Устюгъ или въ Архангельскъ. Съ опасностью для жизни проводятъ они плоты черезъ пороги. Нерѣдко приходится имъ сходить въ воду по поясъ и сталкивать плотъ на глубину, когда тому случится засѣсть на мель. Промокшіе, продрогшіе отъ холода, измученные, разбитые, въ жалкомъ рублищѣ—плывутъ они далѣе. За всѣ эти великіе труды и опасности они получаютъ за путь до Устюга (600 верстъ)—4 или 5 руб.; до Архангельска (1200 верстъ)—10 руб. Возвратившись домой, зырянинъ принесетъ съ собой много-много рубля два.

Рыбный промыселъ также невыгоденъ, потому что купцы очень дешево цѣнятъ рыбу и прижимаютъ

рыболововъ, пользуясь ихъ бѣдностью и беспомощностью. Рыбы въ рѣкахъ изобильно. Здѣсь ловится: сигъ, харіусъ, щука, язь, нельма, стерлядь и др. Стерлядь бываетъ до 2 пудовъ вѣса. Соль считается здѣсь слишкомъ дорогимъ продуктомъ; поэтому крестьяне рыбы не солятъ для себя, а если и солятъ, то плохо. Зыряне даже не солятъ мяса, но замораживаютъ, сушатъ или коптятъ его. Ракъ въ пищу не идетъ... Стерлядь также очень недавно стали есть: ее считали рыбою вредною, отъ которой, будто бы, приключаются лихорадки. Нынѣ фунтъ стерляди (живой) стоитъ 30 и 35 коп., а прежде онъ стоилъ не дороже двухъ копѣекъ.

Главный промыселъ у зырянъ—охотничій. Лѣса—богатство зырянина. Благодаря лѣсу, зырянинъ сытъ, одѣтъ, обутъ, согрѣтъ и можетъ еще уплачивать подати. Въ лѣсахъ растутъ, красиво чередуясь, ель, сосна, пихта, береза, кедръ, лиственница. Ягодъ здѣсь бездна: земляника, поляника, морошка, черника, смородина, брусника, клюква, голубица... Особенно ароматична поляника: аромат ея тоньше и нѣжнѣе ананаснаго. Подъ сводомъ зырянскихъ лѣсовъ живутъ медвѣди, росомаха, рысь, выдра, лисица, песецъ, волкъ, куница, соболь, бѣлка, горностай, ласка, заяцъ, олень сохатый. Изъ птицъ водятся: тетерева, рябчики и куропатки. Весной прилетаютъ сюда: журавли, цапли, дупеля, бекасы, лебеди, гагары, гуси, утки и др. Вотъ, какъ велико и разнообразно здѣсь лѣсное богатство!

Зыряне—охотники. На охоту они отправляются

дважды въ годъ. Въ первый разъ, «на осеннее лѣсованье», они уходятъ въ концѣ сентября и возвращаются въ половинѣ декабря. Второе «лѣсованье», зимнее, продолжается съ начала января по мартъ. Запасшись провизіей и взваливъ ее на свои нарты (родъ узкихъ длинныхъ саночекъ), съ ружьемъ на плечѣ, зырянинъ смѣло углубляется въ свои болота и лѣса. Его сѣрая собачка, съ короткими приподнятыми ушами и очень похожая на волка, такъ же смѣло сопровождаетъ его на охоту. Иногда зырянинъ уходитъ отъ дома верстъ за 400—500, пробираясь черезъ болота и лѣса по тропинкамъ, извѣстнымъ лишь ему и почти невидимымъ для простаго глаза. Маленькій зырянскій компасъ (матка), да порубы и знаки на деревьяхъ, служатъ ему единственными руководителями въ его дальнихъ странствованіяхъ. Дойдя до мѣста, зырянинъ строить или же только подновляетъ старыи «пывзянъ.» Пывзянъ — небольшая хатка посреди лѣса, покрытая хвоей, еловыми сучьями и корой. При пывзянѣ устраивается и чуланчикъ для склада добычи. Въ этой лѣсной, охотничьей истопчкѣ кладется печь-каменка, въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ въ русскихъ баняхъ. Днемъ зырянинъ ходитъ по лѣсу, бьетъ бѣлку и другого звѣря, а ночью возвращается въ свою истопчку. Въ каждой такой хаткѣ живетъ обыкновенно нѣсколько охотниковъ... И вотъ вечеромъ, сойдясь вмѣстѣ и зажегши лучину, они начинаютъ рассказывать другъ другу про то, что было съ ними на охотѣ, какого звѣря нашли они, какъ

его сослѣдили и какъ наконецъ убили. Вечеръ въ бесѣдѣ проходить скоро. Ночью, усталые, они спятъ крѣпко и утромъ, на разсвѣтѣ, опять идутъ на добычу... Для зимнихъ путешествій зыряне запасаются лыжами, для удобства подшитыми оленью шкурой, мѣхомъ наружу. При входахъ на горы и при спускѣ съ нихъ лыжи безъ этой шкуры могли бы раскатываться и, вообще, затруднять охотника.

Нынѣ на охотничій промыселъ зыряне ходятъ и артелью, и въ одиночку; прежде же они охотились постоянно артелью. Всю добычу свою они дѣлили поровну, безъ утайки, въ томъ предположеніи, что утаившій будетъ несчастливъ на охотѣ и разучится стрѣлять. Разучиться стрѣлять было бы для зырянина, поистинѣ, самымъ тяжкимъ несчастіемъ, хуже котораго не выдумаешь... Въ старые годы, говорятъ, дѣлалось еще такъ: если зырянинъ, заблудившись въ лѣсу, напалъ на чужой шалашъ, то отыскивалъ себѣ въ шалашѣ хлѣба и ѣлъ его, а за то тутъ же оставлялъ дичи, сколько слѣдовало по справедливому расчету, въ той мысли, что кто-нибудь, заблудившись, можетъ войти, въ свою очередь, и въ его шалашъ и, попользовавшись его провизіей, оставить взамѣнъ ея часть своей добычи.

Для стрѣльбы зыряне употребляютъ винтовку. Эти винтовки—кремневая. Стволы для нихъ привозятся изъ Вятской губерніи и покупаются зырянами по 3, по 4 р. за штуку. Ложе,—простое, деревянное, чуть поструганное,—и желѣзный замокъ для ружья зыряне дѣлаютъ сами, какъ умѣютъ.

Пластинка, поднимающая курокъ, костяная. Стволь прикрѣпляется къ ложу двумя жестяными пластинками, прибитыми къ ложу гвоздиками. По лѣвую сторону замка виситъ также приколоченный гвоздиками круглый кусокъ оленьей шкурки для защиты замка отъ сырости. Ремень у ружья—кожаный, узенькій... Все это грубо, неприглядно, неказисто на видъ. Но изъ этихъ, на живую руку смастеренныхъ ружей зыряне стрѣляютъ безъ промаха... Стрѣляютъ они маленькими пулками, которыя готовятся уже на самомъ мѣстѣ дѣйствія. Охотникъ обвиваетъ себя, какъ поясомъ, свинцовымъ пруткомъ и, по мѣрѣ надобности, для каждаго заряда откусываетъ зубами часть свинца и отправляетъ ее въ дуло своей винтовки. Бить съ руки, съ навѣсу, зыряне—не мастера. При прицѣливаніи имъ необходимо нужно подпереть ружье о сукъ, о пень, обо что бы то ни было. Потому-то они иногда носятъ съ собой на охоту нѣчто въ родѣ маленькихъ сошекъ и, когда нужно, разставляютъ ихъ, кладутъ на нихъ ружье и цѣлятся... Бѣлку они бьютъ на разстояніи сажень 18—20 и непременно въ голову, чтобы не испортить шкурки. Собака своимъ лаемъ вызываетъ бѣлку изъ чащи на края вѣтвей, и маленькій, бойкій звѣрекъ, распушивъ хвостъ, является весь на виду... Зырянинъ дорожитъ своею собакой: безъ нея онъ—не охотникъ, безъ нея онъ—какъ безъ рукъ. Собаки у нихъ очень смышленныя, умныя, какъ, вообще, дворовыя собаки. Когда, тому назадъ года три, на собакъ былъ моръ, то послѣ

того зыряне платили за собаку 5, 8 и даже 10 р. Хотя охотничій промысел здѣсь самый выгодный, но и отъ него зырянамъ барышей мало, т.-е. меньше, чѣмъ могло бы быть. Это потому, что за порохъ они купцамъ платятъ слишкомъ дорого, а свой товаръ, — охотничью добычу, — продаютъ слишкомъ дешево — изъ нужды. Да къ тому же и дичи съ каждымъ годомъ, говорятъ, становится все меньше и меньше...

Заводы даютъ мало работы зырянамъ. На одномъ изъ нихъ, на Ньючимскомъ, я былъ въ 1877 г. и кое-что расскажу о немъ. Заводъ стоитъ среди лѣсовъ, при слияніи двухъ рѣчекъ: Ньючимъ и Дендель; построенъ онъ въ 1756 г. На заводѣ мнѣ показывали прекрасную плакучую березу — ровесницу Ньючимскому заводу. Объ одномъ изъ владѣльцевъ завода рассказываютъ очень печальную исторію...

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія владѣль этимъ заводомъ купецъ Курочкинъ. Отъ него заводъ долженъ былъ перейти къ сыну, молодому человѣку, находившемуся еще подъ опекой нѣкоего Голохвастова. Совершеннолѣтіе наследника уже близилось, и заводъ долженъ былъ поступить въ его вѣдѣніе. А Голохвастову не хотѣлось сдавать завода новому хозяину. Онъ думалъ, что для него будетъ лучше прибрать заводъ совсѣмъ къ своимъ рукамъ. Голохвастовъ объявилъ будущему хозяину, что ему не мѣшало бы самому съѣздить на заводъ и все осмотрѣть тамъ (Курочкинъ жилъ въ Великомъ Устюгѣ). Сказано — сдѣлано. Молодой Курочкинъ

живо собрался и укатилъ на заводъ. Въ первый же день по своемъ прїѣздѣ онъ крѣпко поссорился съ управляющимъ заводомъ. Въ ту же ночь, неизвѣстно отчего,—домъ сгорѣлъ; съ нимъ вмѣстѣ сгорѣлъ и Курочкинъ.

Объ этомъ происшествіи рассказываютъ различно... Одни говорятъ, что его сожгли живымъ, но при этомъ какимъ-то чудомъ спаслись его камердинеръ и любимая его собака, не разстававшаяся съ нимъ никогда. Другіе же рассказываютъ иначе... Подѣзжая къ заводу, Курочкинъ встрѣтилъ въ лѣсу одного крестьянина, работавшаго на заводѣ, и приказалъ ему за чѣмъ-то притти къ себѣ. Мужикъ возвратился за нимъ слѣдомъ, но такъ какъ шелъ пѣшкомъ, то запоздалъ и пришелъ на заводъ уже вечеромъ. Войдя въ домъ, онъ не нашелъ никого ни въ первой, ни во второй комнатѣ и, заслышавъ шумъ въ спальнѣ, пошелъ далѣе. Растворивъ потихоньку дверь въ спальню, крестьянинъ увидаль, что заводскій управляющій съ однимъ знакомымъ мужикомъ—силачомъ, душатъ Курочкина. Убійцы въ жару свалки не замѣтили слегка пріотворившейся двери. Мужикъ перепугался, захлопнулъ дверь и заперъ ее на ключъ. Второпахъ онъ какъ-то захлопнулъ въ двери полу своего армяка. Боясь отомкнуть дверь, онъ сбросилъ съ себя армякъ и бѣгомъ пустился домой. Ночью домъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ Курочкинымъ. Управляющій, конечно, остался въ живыхъ. На другой день утромъ къ мужику,—невольному свидѣтелю преступленія,—прихо-

диль какой-то незнакомецъ, принесъ ему его армякъ и грозиль, что ему будетъ худо, если онъ проговорится о видѣнномъ имъ наканунѣ. Мужику оставалось только молчать. Дѣло замялось... Говорять, что недавно еще въ тѣхъ мѣстахъ жилъ одинъ старикъ, очень древній, но еще крѣпкій и необыкновенно високаго роста. Онъ любилъ балагурить, но, казалось, былъ немного не въ своемъ умѣ. Стоило при немъ лишь упомянуть о Курочкинѣ, онъ вдругъ смолкалъ и, бросивъ на собесѣдника страшно-подозрительный, пытливый взглядъ, поспѣшно отвертывался и уходилъ прочь. Говорять, что онъ-то и есть тотъ самый силачъ, который помогаль управляющему душиить Курочкина... Дѣло темное. Достоверно лишь то, что заводъ перешель къ Голохвастову, а обгорѣлыя кости молодого Курочкина были свезены въ лѣсъ и тамъ зарыты.

У нынѣшняго хозяина завода, купца Трофимова, денежные дѣла не совсѣмъ-то исправны. Поэтому работы на заводахъ мало, хотя желѣза здѣсь, — край непочатый... Ньючимскій заводъ состоитъ собственно изъ трехъ старыхъ зданій: въ одномъ изъ нихъ обрабатывается руда, въ другомъ дѣлается желѣзо, а въ третьемъ помѣщается литейная. Печи доменные... *) Рабочихъ, живущихъ на заводѣ, 60 чел., да проходящихъ, работающихъ на сторонѣ, до 400 чел. (рудокопы и углежоги). Кромѣ взрослыхъ, на заводѣ работаютъ и мальчики, начиная

*) Печи особеннаго устройства, въ которыхъ на заводахъ выплавляется изъ руды металлъ.

съ 7—8 лѣтъ, и получаютъ въ день копеекъ 15—20 и менѣе...

Не позабыть мнѣ одного маленькаго мальчугана, котораго видѣлъ я, обходя однажды заводъ. Грустно понурившись, стоялъ онъ, прислонившись къ лавкѣ, на которой помѣщались приготовленные для дитя формы чугуновъ, крышекъ, вьюшекъ, заслонокъ и проч. Мальчуганъ казался на видъ лѣтъ 7, не болѣе. Онъ былъ малъ, худъ, тщедушенъ. Его рубашка и коротенькіе синіе штаны были грязны, отрепаны, всѣ въ дырахъ и заплаткахъ. Изъ-за продранной рубахи видно было худенькое, костлявое плечо. Лицо—смуглое, загорѣлое, въ сажѣ, съ клочьими сухихъ, нависшихъ волосъ. Его сѣрые глазки затуманились. Недовольно, почти плаксиво поглядывалъ онъ по сторонамъ на своихъ суетившихся товарищѣй... Работа была въ полномъ разгарѣ. Здоровыя, мозолистыя руки рабочихъ дѣйствовали бойко, безъ усталости; красныя лица всѣ были въ поту.

— Что, братъ, приунылъ?—спросилъ я мальчугана.—Или мало выработалъ сегодня?

Мальчикъ взглянулъ на меня и, отвернувшись, сталъ почесывать затылокъ.

— Много ли сегодня выработалъ?—продолжалъ я.

— Три копейки?—какъ бы нехотя процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Тутъ подвернулся къ намъ очень бойкій, юркій мальчуганъ и очень толково пояснилъ, что Степкѣ сегодня не посчастливилось, что вылитая имъ по-

суда, за исключеніемъ одной штуки, вся, по негодности, пошла въ ломъ (плата за работу производится поштучно).

— Вонъ его дѣла-то гдѣ! — замѣтилъ рассказчикъ, пиная ногой чугунные обломки, грудой валявшіеся тутъ же на земляномъ полу.

Степка потиралъ кулачкомъ глаза и молча переминался съ ноги на ногу. Вдругъ онъ ожилъ, схватилъ черпакъ и со всѣхъ ногъ бросился къ печи... А тамъ изъ темнаго, зіяющаго устья огненною струей лилась горячая лава. Передъ устьемъ взрослые и ребята смѣшались въ одну кучу. Они толкались, кричали, суетились... Каждый изъ нихъ старался захватить чугуна въ свой черпакъ: каждому хотѣлось добыть лишнюю копейку... Степка тутъ же безбоязненно пробивался впередъ, отчаянно суясь къ самой лавѣ и отталкивая чужіе черпаки. Лава катилась страшно, тяжело. Огненные, красныя брызги летѣли во всѣ стороны. Степка не зѣвалъ, досталъ лавы и бросился къ своей формочкѣ. Вылилъ Степа лаву... Когда форма была снята, и песокъ высыпанъ, оказалось, что у Степки вышла крышка къ чугуну, крышка, — цѣлехонька. Степкино лицо просвѣтлѣло. Еще бы! Теперь онъ заработалъ уже 6 копеекъ! Я замѣтилъ, съ какимъ облегченіемъ вздохнулъ онъ, опоражнивая форму. Я также вздохнулъ за него...

Заводскія женщины вяжутъ чулки на продажу, плетутъ прекрасныя кружева, накладки и т. п. Рабочіе живутъ около завода въ избушкахъ. У рабо-

чихъ встрѣчаются очень хорошенкіе чугунные подсвѣчники заводской работы. Также изящны и другія разныя подѣлки: пепельницы, рамки для портретовъ, блюда съ рельефами и проч.

Между хижинами рабочихъ и заводомъ разстлана большая площадь. На площади стоитъ убогая, старенькая церковь. Вокругъ нея, на погостѣ, вдоль ограды, растутъ березы, сосны и величаво высятся темно-зеленые кедры. Особенно хороши эти кедры... Издали блеститъ рѣка; кругомъ—зелень, двѣ-три могилы; надъ головой—небо, болѣе ничего не видать... Здѣсь тихо. Людской гамъ сюда не долетаетъ. Лишь смутно доносится гулъ съ запруды. Здѣсь шумятъ зато кедры, тихо, задумчиво шумятъ... Эта сельская церковь такъ бѣдна, что выручаетъ себѣ деньгу на всемъ, на чемъ можетъ. Такъ, напр., и шишки съ кладбищенскихъ кедровъ продаются крестьянамъ въ пользу церкви!

На самомъ берегу рѣки, около плотины,—домъ управляющаго съ небольшимъ садомъ и огородомъ. Въ рѣчкѣ—отличное купанье. И рыба въ ней ловится довольно удачно...

Читатели, вѣроятно, видали когда-нибудь тѣ точила и брусья, на которыхъ точатъ ножи и ножницы. Эти брусья и точила идутъ также изъ Зырянскаго края. Есть въ этомъ краѣ, неподалеку отъ р. Печоры, двѣ горы Соплясъ и Воя. Это—брусняныя горы; съ нихъ-то и добываются точила. Царь Михайль Ѳедоровичъ,—первый царь изъ фамиліи Романовыхъ, — подарилъ эти горы крестьянамъ.

Крестьяне пользуются этими горами и ежегодно, работая на нихъ въ числѣ 500 чел., выдѣлываютъ до 50,000 пудовъ точиль и до 200,000 штукъ брусьевъ. Работа на горахъ очень тяжелая и нездоровая. При ломкѣ камня воздухъ пропитывается мелко брусяною пылью, и въ этой-то зловредной пыли рабочимъ приходится жить 5 мѣсяцевъ въ году, т.-е. весну, лѣто и осень. У рабочихъ сильно болятъ глаза... Мужчины, женщины и дѣти живутъ вмѣстѣ. Все это, конечно, страшно неудобно, но дѣлать нечего: нужны деньги... Эти горы хотятъ взять въ казну, потому что крестьяне не могутъ представить подлинной царской грамоты, по которой они владѣютъ горами. У нихъ хранится только одна копія съ этой грамоты. Теперь, если они не хотятъ лишиться своихъ брусяныхъ горъ, имъ во что бы то ни стало надо отыскать подлинную дарственную грамоту. А она, по всему вѣроятію, должна храниться гдѣ-нибудь въ старыхъ Московскихъ архивахъ...

Богатъ Зырянскій край естественными произведеніями. Въ будущемъ ему можно посулить цѣлыя горы, если не золота, то во всякомъ случаѣ горы желѣза и чугуна. А желѣзо для людей нужнѣе, полезнѣе, чѣмъ золото и всѣ алмазы на свѣтѣ...

Но зыряне все-таки бѣдны: у нихъ нѣтъ знаній, нѣтъ денегъ для того, чтобы приняться за разработку природныхъ богатствъ ихъ края. Они много трудятся, трудятся съ опасностью для здоровья и для жизни, трудятся въ потѣ лица. Они и лѣсъ

рубятъ, и плоты да барки сплавляютъ, и охотничаютъ, и рыболовничаютъ, и на заводахъ работаютъ, и на брусяныхъ горахъ, и вдобавокъ занимаются еще хлѣбопашествомъ... Но хлѣба и денегъ на круглый годъ имъ все-таки не хватаетъ. Надо какъ-нибудь изворачиваться. И должно отдать справедливость зырянамъ: изловчатся они выжимать изъ природы всё соки, насколько то позволяютъ имъ ихъ знанія. На всемъ, рѣшительно на всемъ норовятъ они съэкономничать, обойтись безъ покупки, безъ городскихъ лавокъ. Все служитъ на пользу зырянамъ въ ихъ ловкихъ рукахъ, при ихъ необыкновенной смышлености и находчивости.

Они, на примѣръ, сами катаютъ свои войлочные шляпы, сами шьютъ себѣ сапоги и, вообще, обувь, сами ткуютъ изъ овечьей шерсти сукно сѣрое и бѣлое (особенно хорошо выходитъ у нихъ бѣлое сукно). Значитъ, одѣваются они сами изъ своего собственнаго матеріала. Избы, конечно, строятъ они сами, сами кладутъ и печи. Кирпичи у нихъ собственной подѣлки, изъ глины, иногда необожженные. Посуда у нихъ самодѣльная: ложки, чашки, кадки, столы и проч. Гвозди у нихъ деревянные, изъ сучьевъ. Рукомойники—берестовые. Изъ ивовой и березовой коры зыряне вьютъ очень крѣпкія веревки, которыя здѣсь повсюду въ ходу—при упряжи, на перевозахъ... Изъ бересты дѣлаютъ разной величины ящички («чуманы, чумашки» по-зырянски) для хлѣба, для соли, спичекъ и проч. Вообще, всёхъ зырянскихъ подѣлокъ изъ дерева

и коры скоро и не перечислишь... Въ ивовой корѣ красятъ холстъ въ красную и желтую краску; изъ корня одного растенія добываютъ зеленую краску, также для окрашиванія холста. Въмѣсто мыла употребляютъ «ошурки», телячьи кишки; запахъ при мытьѣ этими ошурками невыносимо тяжелый. Копытами конскими обкуриваютъ скоть въ предохраненіе его отъ мора. Цвѣтомъ растенія смолянки натираютъ себѣ зыряне лицо и руки въ защиту отъ комаровъ, когда ходятъ въ лѣсъ. Изъ ягодъ черемухи готовятъ кушанье — лясъ. Множество травъ употребляется въ лѣкарство. Цвѣтъ донника, напр., зыряне пьютъ вмѣсто потогоннаго (чтобы не покупать мяты, липоваго цвѣта или чего-нибудь въ томъ же родѣ, чего у нихъ не растетъ). Въмѣсто пластыря идетъ подорожникъ: одной стороною его прикладываютъ къ ранѣ, другою стороною — къ нарыву. При разстройствѣ желудка употребляютъ богульникъ, столистникъ, плаунъ и др. травы. Отъ золотухи лѣчатся отваромъ изъ молодыхъ побѣговъ и ягодъ калины. При обжогѣ идетъ въ дѣло свѣжій тертый картофель. Въ чахоткѣ пьютъ траву «мать-и-мачиху». Звѣробой и чернобыльникъ также считаются въ числѣ лѣкарственныхъ травъ... Затѣмъ, я говорилъ уже, что изъ пихтовой коры съ подмѣсью ячной муки пекутся лепешки; въ пищу идутъ иногда и отростки молодыхъ елей. Я рассказывалъ также, какъ дешево зырянамъ обходятся ихъ ружья..

Такъ-то зыряне стараются какъ можно менѣе

тратить денегъ. И они добились-таки того, что могли бы прожить сами по себѣ, ни въ комъ не нуждаясь. Возьмите въ расчетъ то, что они отпускаютъ изъ своего края и что получаютъ сами. Они получаютъ: соль (она у нихъ есть и своя, да только плохая), крупу, водку, соленую рыбу «сайдуду» и въ небольшомъ количествѣ ситцы, платки и тому подобное; сами же даютъ намъ: множество пушного товара, птицъ, рыбу, лѣсу и кедровые орѣхи. Они даютъ больше, чѣмъ получаютъ...

VI.

Хороши, роскошно хороши въ лѣтнюю пору зырянскіе лѣса. Лѣса густы, дремучи и великолѣпны въ своемъ живомъ разнообразіи. Тутъ рядомъ съ косматою, темнохвойною елью красуется бѣлостволоая березонька съ ея свѣтлозеленою листвою, а тамъ, глядишь, величаво распахнувшись, высится сосна. Внизу между деревьями кустарникъ образуетъ такую чащу, что сквозь нея не скоро и продерешься. Въ такомъ лѣсу подъ его живыми, зелеными сводами даже и днемъ царитъ сумракъ. Такіе густые полулиственные, полухвойные лѣса перемежаются борами. Боромъ называется сосновый лѣсъ. Это — лѣсъ безъ кустарника, безъ травы, съ песчаною или суглинистою почвою, поросшей бѣлесовато-сѣрымъ оленьимъ мохомъ. Боръ выглядит чистенькимъ, опрятнымъ паркомъ и чрезвычайно однообразенъ. Деревья словно рассажены въ немъ по масштабу, тянутся иногда совершенно правильными

рядами. Видно очень далеко, и куда ни оглянешься, все стволы да стволы, прямые, какъ стрѣла, съ зелеными хвойными шапками на верхушкахъ. Но глазъ скоро утомляется отъ страшнаго однообразія, господствующаго иногда на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ... Около Печоры въ лѣсахъ темнѣетъ сибирскій кедръ-великанъ, растетъ лиственница. Въ лѣсахъ же Керчемскихъ, Устькуломскихъ и далѣе, на западъ — на первомъ планѣ сосна и ель...

Люблю я эти сосны и лохматая темная ели, можетъ быть, потому, что выросъ я среди нихъ, что онѣ постоянно рисовались передо мной въ своей дикой, мрачной красотѣ...

Въ лѣтнюю пору зырянскіе лѣса всегда хороши, всегда роскошны — при всякомъ освѣщеніи, во всякую погоду. Не шелохнувшись, неподвижно стоятъ они въ ясный, тихій полдень, стоятъ въ своемъ царственномъ, могучемъ величіи, залитые яркимъ свѣтомъ, подъ кротко сіяющими небесами. Прекрасны они вечеромъ, въ часъ волшебной игры свѣта и тѣней, когда послѣдніе дневные лучи еще играютъ на ихъ вершинахъ, а по низамъ то мягкимъ полутонемъ, то рѣзкимъ пятномъ ложатся тѣни. Сквозь прозрачный сумракъ лѣтней ночи, полна таинственности, темнѣетъ глубина лѣсныхъ чащей. И чудится, словно, деревья все выше и выше тянутся къ звѣздному небу, и все дальше и шире раскидываются кудрявыя вѣтви бѣлостволыхъ березъ и потемнѣвшіе сучья лохматыхъ елей и со-

сень. Скрадывающійся шопоть-шорохъ порой проносится по лѣсу. Вотъ шорохъ становится слышнѣе... Осина трепещетъ, дрожитъ, шуршитъ листва березы, — какъ будто кто-то крадется широкими, легкими шагами по вершинамъ лѣснымъ. И снова тихо въ лѣсу... То вдругъ потянетъ тепломъ, словно чье-то дыханіе повѣетъ прямо въ лицо; черезъ мгновеніе обдасть лѣсною свѣжестью. И рано утромъ прекрасенъ лѣсъ, когда красные, яркіе лучи начинаютъ пробѣгать по зеленымъ верхушкамъ деревь, а синее небо начинаетъ свѣтлѣть. Иной разъ надышаться не можешь вдоволь, когда лѣсъ пахнетъ въ лицо своими дикими ароматами — пахнетъ цвѣтами, зеленью, глушью, свѣжестью лѣсною. Въ ту раннюю пору дня краски свѣжи и ярки. Каждый влажный листокъ — изумрудъ, каждая капля росы — чистѣйшій алмазь... Когда же на небѣ сгустятся черныя тучи и поднимется буря, лѣсъ затрепещитъ, завоюетъ, загудитъ, тогда весь онъ горитъ молніями, и громовая музыка находитъ себѣ отголосокъ въ лѣсной глубинѣ, наполняя ее свистомъ и гуломъ, словно на ту пору страдальцы со всего міра собираются тутъ на самыя лютыя мученія...

Страшныя опустошенія производятъ бури въ зырянскихъ лѣсахъ. Въ 1877 г. 29 іюня надъ Зырянскимъ краемъ пронеслась буря съ громомъ и молніей. Черезъ день послѣ этой бури мнѣ пришлось проѣзжать по здѣшнимъ лѣсамъ. Всюду по сторонамъ виднѣлись слѣды яростнаго, неистоваго

разрушенія: блѣдныя трупы березъ лежали тамъ и самъ; громадныя сосны, расщепленныя, сломанныя, повалились на дорогу и загромоздили путь; ели, вывороченныя съ корнями, тарацились, точно какія-нибудь сказочныя чудовища. Дорога въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ загромоздилась поваленными деревьями. Съ трудомъ приходилось пробираться черезъ нихъ... Иныя деревья, сильно поврежденныя, стояли наклонившись и не падали наземь лишь потому, что ихъ поддерживали сосѣдніе великаны. И послѣ каждой сильной бури такимъ же образомъ опустошаются здѣшніе лѣса.

Мнѣ приводилось видѣть въ лѣсу громадныя пространства, расчищенныя бурями. На этихъ мѣстахъ лѣсъ сначала погорѣлъ. Затѣмъ погорѣлыя деревья, простоявъ жалкими скелетами нѣкоторое время, — даже, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ, — сваливались бурей на землю. Теперь посѣрѣвшіе или обугленные ихъ трупы лежатъ неправильными рядами. Ни кустарникъ не растетъ вокругъ нихъ, ни высокая, зеленая трава не радуется взору. Мѣсто давно минувшаго несчастья остается пустынно и уныло, какъ мѣсто чудовищнаго побоища... На иныхъ же пожарищахъ торчатъ только одни обугленные пни. Мѣстами тянется порубка; тутъ же и пожаръ. Тамъ и сямъ навалены груды сушняка, лежатъ цѣлыя посохшія деревья, всюду торчатъ выкорченныя пни то вверхъ, то внизъ корнями, то пни сѣрые, бѣлые, обугленные торчатъ стоймя. Если вечеромъ, въ сумерки, всматриваться

подолгу въ это безпорядочно навороченное пенъе, то съ помощью воображенія можно легко нарисовать себѣ самыя причудливыя, фантастическія картины...

То, вонъ, какъ будто стоитъ старикъ, сгорбившись, весь въ бѣломъ рубищѣ, съ серебристой, сѣдой бородой. Тамъ встаетъ темная фигура медвѣдя, поднимающагося на заднія лапы. Тутъ старецъ въ какой-то древне греческой одеждѣ и въ тiарѣ величаво воздымаетъ кверху руки, то ли благословляя кого-то, то ли съ мольбой... Тамъ въ грустной, унылой позѣ сидитъ женщина, низко опустивъ голову на руки и закрывшись волосами, сбѣгающими волной до земли. Далѣе, вытянувшись, словно аршинъ проглотивъ, стоитъ высокій рыцарь въ шлемѣ, весь въ желѣзѣ, съ копьемъ въ рукѣ. Тамъ какъ будто двое схватились бороться... А тутъ, словно нагромождена, цѣлая куча человѣческихъ труповъ: торчатъ руки, торчатъ длинныя ноги, видны головы и туловища, то прикрытыя кусками бѣлаго савана, то голыя, совсѣмъ почернѣвшія...

Дѣйствительныя, невымышленныя, но не менѣе величественныя картины представляетъ иногда лѣсъ. Вотъ вьется по лѣсу узкая дорожка, и издали кажется, что она какъ будто сразу обрывается, упираясь въ зеленую лѣсную стѣну. Подбѣгая къ этому мѣсту, путникъ замѣчаетъ, что дорожка дѣлаетъ тутъ крутой поворотъ. Заверотившись, она зигзагами сбѣгаетъ по косогору далеко внизъ, а затѣмъ, поднявшись высоко изъ

оврага, снова пропадаетъ въ дремучемъ лѣсу. Или, напр., идетъ дорога густой, густой чащей, а по ту и по другую сторону дороги страшно, обрывисто спускаются овраги, поросшіе лѣсомъ. Дна этихъ овраговъ не видать: тамъ, далеко въ лѣсу пропадаетъ оно, скрываясь въ безпросвѣтной чащѣ лѣсной... Однажды ночью пришлось мнѣ проѣзжать по лѣсамъ около селенія Ибъ. Что за очаровательныя, волшебныя картины являлись мнѣ на каждомъ шагѣ!.. Въ низменностяхъ стоялъ густой туманъ. Дорога долго поднималась въ гору, и, наконецъ, вдругъ очутился я на самомъ бугрѣ горы. Отсюда дорога, очевидно, круто сбѣгала внизъ. Объ этомъ можно было лишь догадываться... Но какъ, куда, въ какомъ направленіи сбѣгала дорога? Ничего неизвѣстно. Въ двадцати шагахъ ничего не было видно сквозь бѣлесоватый туманъ, словно я находился на берегу какого-то туманнаго, волнующагося моря. За этой дымкой,—чудилось мнѣ, — лежалъ какой-то невѣдомый, безпредѣльный міръ, полный неясныхъ призраковъ. На болѣе высокихъ мѣстахъ мелькали причудливыя тѣни какихъ-то неопредѣленныхъ очертаній: то кусты и деревья мерещились сквозь туманъ. Чѣмъ ниже опускалась мѣстность, тѣмъ непрогляднѣе становилась туманная завѣса, такъ что дно лоцины совсѣмъ пропало въ бѣлыхъ клубахъ...

Есть лѣса до того дремучіе, что въ нихъ даже волки не живутъ. Въ такихъ лѣсахъ царствуетъ медвѣдь... Проѣзжая лѣсомъ, верстахъ въ 15 отъ

селенья, я вдругъ слышалъ жалобное, тревожное ржанье, далеко разносившееся кругомъ въ лѣсномъ безмолвіи.

— Это что такое?—спросилъ я своего ямщика.

— Жеребенокъ ржетъ!—отвѣчалъ онъ и тутъ же рассказалъ довольно трогательную исторію.—Медвѣдь мать у него задралъ... — говорилъ мой возница.—Съ недѣлю этакъ будетъ... Вотъ онъ все и бѣгаетъ, кружить около тѣхъ мѣстъ. Глупый мальчуган! А лошадь была большая, добрая... Отъ звѣря-то она отбилась бы, убѣжала бы, да маленькаго, видно, жаль стало бросить. Жеребенка-то, вотъ, спасла, а сама зато головой поплатилась...

— Да отчего же не убьютъ медвѣдя?—спросилъ я.—Вѣдь, у васъ охотниковъ-то довольно...

— Убить-то не могутъ!—промолвилъ ямщикъ.— И потраву ему клали, и на лазы ходили *), не идетъ, не дается... Одна баба недавно видѣла его,—за вѣниками въ лѣсъ ходила... Старый, говорить, сѣдой весь, да страшный такой... Этого, значить, не проведешь! Онъ у насъ за это лѣто ужъ другого коня задралъ. Что съ нимъ подѣлаешь... Га-гай! Вѣтлы, вѣтлы!**)—крикнулъ ямщикъ на лошадей, закрутивъ надъ головой арапникомъ.

Ямщикъ, какъ будто бы, былъ не совсѣмъ спокоенъ духомъ и недоволенъ тѣмъ, что я затѣялъ съ нимъ къ ночи такой «неладный» разговоръ.

*) Особый способъ охоты на медвѣдя.

**) Такими словами зыряне попускаютъ лошадей: вмѣсто русскаго— „чу-чу!“

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ жаловались, что медвѣдь цѣлыхъ восемь коровъ задралъ, и тоже ничего не могли съ нимъ подѣлать. Ущель, злодѣй!.. Вообще, лѣтомъ встрѣча съ медвѣдемъ-пѣстуномъ опасна, еще опаснѣе сама медвѣдица. Тогда онѣ выходятъ съ малыми медвѣжатами, выводятъ ихъ, такъ сказать, въ свѣтъ и бываютъ очень злы... И, глядя на эти беспросвѣтные лѣса, тянущіеся на сотни версты, дѣйствительно, сознаешься, что тутъ медвѣдю полное приволье, что тутъ онѣ неограниченный, самодержавный властитель...

Деревья въ здѣшнихъ лѣсахъ замѣтно наклонены къ югу: съ малолѣтства ихъ гнутъ въ эту сторону сильные сѣверные вѣтры, свирѣпствующие въ томъ краю большую часть года. На стволахъ деревьевъ болѣе вѣтвей съ той стороны, что обращена къ югу. На сѣверной сторонѣ ствола кора грубѣе, на южной — тоньше, нѣжнѣе. Все это, конечно, — вліяніе свѣта и теплоты...

По дорогѣ изъ села Деревянскаго, не доѣзжая 13 вер. до Устькумола, неподалеку отъ небольшого ручья, названіе котораго я забылъ, видѣлъ я странную игру природы — своего рода сіамскихъ близнецовъ: двѣ сросшіяся сосны. Открыты эти близнецы моимъ спутникомъ совершенно случайно... Одна сосна, очевидно, старая, высокая и довольно толстая (до 4 арш. въ обхватѣ); другая — помоложе, потоньше (1 арш. 3 верш. въ обх.) и стоитъ отъ первой въ разстояніи аршина съ небольшимъ. На высотѣ 9 арш. отъ земли отъ одной изъ этихъ

сосенъ къ другой идетъ не очень толстый сукъ, соединяющій ихъ, какъ бы, воедино. Трудно сказать: которому дереву принадлежитъ этотъ сукъ, сдѣлавшійся уже, очевидно, общимъ. Подобная игра природы считается большою рѣдкостью... Въ 1848 г. въ другой мѣстности Вологодской губерніи (въ Никольскомъ уѣздѣ) также были найдены двѣ сросшіяся сосны и немедленно же, по приказанію начальства, обнесены рѣшеткой въ видахъ охраненія ихъ. Тамъ, впрочемъ, говорятъ сучья образовали собой нѣчто въ родѣ буквы Н, а березка, росшая между соснами, представляла собой цифру I. Такимъ образомъ и вышло $\left| \frac{\text{—}}{\text{I}} \right|$, т.-е. Николай I (это происходило въ царствованіе императора Николая I). Въ двухъ же описываемыхъ мною соснахъ я ничего подобнаго не нашель.

Говоря о прекрасныхъ ландшафтахъ и о всѣхъ прелестяхъ и диковинкахъ зырянскихъ лѣсовъ, должно, между прочимъ, замѣтить, что дороги въ этихъ мѣстахъ не совсѣмъ безопасны. Такъ, напр., однажды я очутился въ очень непріятномъ положеніи, а въ другой разъ чуть не сломалъ себѣ шею.

Ѣхалъ я на Нювчимскій заводъ. Версть 30 пришлось мнѣ пробираться по болотамъ и лѣсамъ. Въ одной довольно глубокой колдобинѣ лошади увязли, а переднія колеса экипажа совсѣмъ затянуло въ грязь. Нужно было вылѣзть изъ тарантаса и переходить эту топь, какъ попало, на авось. По окраинѣ дороги лежало бревешко, уже, очевидно, давно

туть брошенное, ибо оно уже успѣло сгнить, подернуться зеленоватымъ мохомъ и зарости травой. Изъ-за густой травы не вдругъ даже можно было и разсмотрѣть его... Оставалось одно: перебраться по этому бревешку на противоположный край ложбины, на болѣе твердый грунтъ. Пока ямщикъ управлялся съ лошадьми, я съ ружьемъ на плечѣ началъ свой переходъ. Бревно оказалось до того сгнившимъ, что поминутно обсыпалось подъ моими ногами. Ступить же съ него вправо и влѣво было опасно. Хотя по сторонамъ у меня были не пропасти бездонныя, а просто сѣрая, тонкая грязь, а слѣва такъ даже представлялось очень красивое зрѣлище—росла кувшинка, и нестрѣли желтые и бѣлые цвѣты, но все-таки безъ большой опасности я не могъ ступить на эту грязь и на эти цвѣты. Тутъ,—и особенно подъ этими милыми цвѣтами,—была такая страшная топь, что, оступись я, и ушелъ бы сразу по поясъ въ болото, да еще ладно, если бы добрые люди вытащили. Легко ступая на проваливающіяся гнилушки, скользя и спотыкаясь, съ трудомъ перебрался я на сушу...

Въ другой разъ, по пути въ село Керчемье, пришлось мнѣ ѣхать берегомъ Вычегды. Дорога была очень узенькая: направо темнѣла безпросвѣтная, лѣсная чаща, налѣво, прямо шель береговой обрывъ, крутой, какъ стѣна, и такой высокій, что посмотрѣть съ него, такъ голова закружится. А внизу темнѣла рѣчная глубина... Берегъ былъ печальный, съ нависшими надъ кручью елями. Ка-

ждый годъ весеннія воды подмывали и подрывали его. Тамъ и сямъ ели совсѣмъ уже сползли къ водѣ и наклонились надъ нею. Часы жизни ихъ уже сочтены. Будущей весной ихъ далеко унесутъ вычегодскія волны. За ними послѣдуютъ и тѣ деревья, что еще такъ гордо стоятъ надъ береговымъ обрывомъ. Вода, въ свою очередь, также подмоетъ, подроетъ подъ ними песчаную почву, оторветъ у нихъ изъ-подъ корней нѣсколько глыбинъ... И деревья осадутся, спустятся ниже, понависнутъ, въ половодье, наконецъ, съ шумомъ обрушатся въ Вычегду и понесутся далеко-далеко, покачиваясь и ныряя въ быстро катящихся волнахъ... Когда я ѣхалъ по узкой дорожкѣ, берегъ поминутно обсыпался подъ колесами. Слышно было, какъ камни и глыбы земли съ глухимъ шумомъ скатывались въ воду, и слышенъ былъ плескъ. Вдругъ подъ заднимъ лѣвымъ колесомъ нависшій надъ рѣкой край берега рухнулъ, и было мгновенье, когда колесо, оставшись навѣсу, дрогнуло, и экипажъ былъ уже готовъ и съ лошадьми и съ сѣдоками полетѣть съ высокой береговой кручи въ темнѣвшую рѣчную глубину... Но, спасибо, добрые кони рванули вправо, вынесли, и вмигъ мы уже путались въ чащѣ лѣсной опушки. Пришлось выйти изъ тарантаса и пѣшкомъ пройти версты двѣ, до тѣхъ поръ, пока дорога не отошла подалѣе отъ берега...

Лѣтомъ, особенно въ засуху, въ зырянскихъ лѣсахъ постоянно припахиваетъ дымомъ. Горитъ ли

лѣсъ, жгутъ ли подсѣвки, рыболовы ли съ косарями разводять огонь для варки себѣ каши и ухи, узнать трудно: всего же вѣроятнѣе, что случается и то, и другое, и третье. Года не проходитъ безъ того, чтобы не погорали лѣса. Причины пожаровъ различны. Горить лѣсъ отъ подсѣвки, горить отъ огонька, оставленнаго послѣ себя страйниками и пастухами, загорается иногда и отъ молніи. И все-таки, несмотря на частые и большіе пожары, обширны еще зырянскіе лѣса. До чего они дремучи и недоступны, я позналъ на собственномъ опытѣ. Мнѣ нужно было версты три пробираться по лѣсу... Тутъ-то я и насмотрѣлся на настоящую лѣсную дичь и глушь. Поминутно приходилось мнѣ перебираться черезъ громадныя поваленныя деревья. Одни изъ нихъ, вѣроятно, были свалены бурями, другія сами упали отъ ветхости. Въ иныхъ мѣстахъ этихъ полусгнившихъ и гніющихъ деревьевъ было такъ много, они лежали такъ плотно, что образовали собою какъ бы одинъ неровный помостъ. Я шель по ихъ трупамъ, какъ по настилкѣ. Ужъ не говорю о томъ, какъ мнѣ было трудно продираться сквозь кусты колючаго шиповника и можжевела. Могучая лѣсная растительность загораживала мнѣ дорогу, и каждый шагъ я вынужденъ былъ брать съ бою. Долгонько я шель эти три версты...

Когда-то я опять тебя увижу, Зырянскій край?
Когда-то я увижу снова твои избушки съ высокими крыльцами, а на крылечкахъ берестовые ру-

комойники, висящіе на перекладинахъ, и тутъ же мотающіяся на веревочкахъ связки ивовой коры и связки звѣробоя, донника и чернобыльника? Когда-то увижу я въ твоихъ избахъ деревянныхъ, грубо раскрашенныхъ голубковъ, подвѣшенныхъ къ потолку на конскомъ волосѣ, вѣчно покачивающихся и дрожащихъ? Когда-то увижу я, Зырянскій край, твоихъ славныхъ, отважныхъ и смысленыхъ жителей? Когда-то увижу я твои чистыя, голубыя рѣки, твои обрывы, твои старинныя, почернѣлыя церкви, твои зеленые, роскошныя лѣса? Когда-то я опять надышусь вволю твоимъ чуднымъ воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ вереса и сосны? Когда-то опять повѣтъ на меня твой вѣтерокъ и донесетъ до меня знакомый запахъ дыма?..

Теперь я далеко-далеко отъ зырянскихъ лѣсовъ... И не слышно мнѣ теперь, какъ шумятъ въ нихъ сосны и лохматыя ели...

